

ДЖОСЕЛИН ГОДВИН

МИСТЕРИАЛЬНЫЕ РЕЛИГИИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 2-16
ББК 86.42
Г59

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Перевод с английского — Евгения Истомина.
Редакция перевода, примечания — Олег Молотов.*

Годвин, Д.

Г59 Мистериальные религии в Древнем мире: Пер. с англ. Е. Истоминой под ред. О. Молотова. — М.: Тотенбург, 2025. — 252 с.

Данное издание представляет обзор различных мистериальных культов, процветавших на заре христианства: от культов Митры, Диониса и Орфея до почитания Богини, эзотерического христианства, иудаизма и гностицизма. Текст книги насыщен разнообразными иллюстрациями: символизм картин, статуй и других изображений, толкуемый автором в духе «вечной философии» (Sophia Perennis), раскрывает дополнительные грани этих традиций. Помимо этого, читателю предлагается обсуждение пяти базовых духовных установок, лежащих в основе различных религиозных представлений, — пути воина, монаха, мага, любви и знания.

**УДК 2-16
ББК 86.42**

© Евгения Истомина,
перевод с английского, 2025
© Олег Молотов,
редакция перевода, примечания, 2025
© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Путь воина	12
Путь монаха	21
Путь мага	28
Путь любви	35
Путь знания	42
ГЛАВА I. РИМСКИЕ БОГИ.....	53
ГЛАВА II. МИФОЛОГИЯ	69
ГЛАВА III. ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ	79
ГЛАВА IV. МАГИЧЕСКИЕ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ.....	92
ГЛАВА V. ФИЛОСОФЫ.....	101
ГЛАВА VI. ИУДАИЗМ.....	114
ГЛАВА VII. ГНОСТИЦИЗМ.....	121
ГЛАВА VIII. ХРИСТИАНСТВО	131
ГЛАВА IX. МИТРА И ЭОН	140
ГЛАВА IX. КИБЕЛА И АТТИС	156
ГЛАВА XI. ИСИДА И СЕРАПИС	169
ГЛАВА XII. ДИОНИС	187
ГЛАВА XIII. ОРФЕЙ И ГЕРАКЛ	203
ГЛАВА XIV. ПОКРОВИТЕЛИ	212
ГЛАВА XIV. СИНКРЕТИЗМ	235
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.....	246

Мом. Но Аттис, о Зевс, но Корибант и Сабазий, — откуда они приведены к нам вместе с этим индийцем Митрой, в персидской одежде и с тиарой, даже не говорящим по-гречески, не понимающим, когда пьют за его здоровье? Недаром скифы и геты, увидев такие дела, распрощались с нами и кого хотят делают бессмертными и выбирают в боги; вписался же в наши ряды и раб Замолксис, не знаю уж как сюда пробравшись. Но это еще что, боги! Ты же, египтянин с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — ты кто таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом? И почему пятнистому быку из Мемфиса воздаются почести, почему вещает он, окруженный пророками? Уж об ибисах, обезьянах и многом другом, еще более нелепом, что неизвестно как проползло к нам из Египта и заполнило все небо, мне и говорить стыдно. О боги, как вы все терпите, что им поклоняются в равной мере или даже больше, чем вам? Как терпишь ты, Зевс, бараньи рога, которые выросли у тебя?

Зевс. Действительно, ты рассказываешь постыдные вещи о египтянах; но все же многое здесь — тайны, над которыми не следует смеяться непосвященному.

Лукиан из Самосаты. Собрание богов, 9–11¹

¹ Перевод С. Э. Радлова. — *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

Несколько веков перед рождением Христа, равно как и в первые столетия после него, перед народами Средиземноморья и Европы лежало поразительное разнообразие дорог. Подданные Римской империи в религиозных вопросах обладали свободой выбора, сравнимой только с современностью. На этом сходство не заканчивается: на самом деле кажется, что нынешняя эпоха — это ускоренное повторение той, древней. В таком случае можно использовать историю как увеличительное стекло, дающее возможность трезво взглянуть на наш собственный век — и наоборот. И в той, и в другой эпохе мы видим упадок старых религий вследствие утраты подлинного энтузиазма (в изначальном смысле слова). Жрецы и священники цепляются за свои ритуалы из страха или привычки, и им нечему научить людей, кроме морали. Древнеримская религия стала такой же закостеневшей и унылой, как и современное «церквианство» (*Churchianity*), но альтернативы в виде агностицизма или атеизма, хотя и полезны в качестве очищающей реакции, оставляли душу в мрачном состоянии — точно так же, как сейчас. Просвещение в ответ на нужды души приходит из другого источника: *lux ex Oriente*. В те времена именно культы Малой Азии, Египта и Ближнего Востока озаряли своим светом Империю; в нынешнее же время открытие дальневосточных религий во всем их многообразии вдохнуло новую жизнь в устремления восприимчивых к религиям жителей Запада. Эти религии гласят, что единственная цель в жизни — духовное развитие, для чего каждый может изыскать средства, наиболее подходящие его уровню и характеру. Разумеется, такая тенденция способна привести современного человека обратно к Христу, но уже с новым пониманием и новым отношением. Теория пре-

вращается в опыт, а таинства — «сокрытые вещи» — становятся основным жизненным вопросом.

Слишком долго мы слышали о древних религиях из уст неверующих ученых или христианских шовинистов, что, с одной стороны, отрывало их от жизни, а с другой — от веры. Я очень уважаю трудолюбие наших археологов и классицистов, как и их преданность своему делу, но не ту позицию, руководствуясь которой, они подходят к мистериям в том же духе, в каком составляют каталоги глиняных черепков. Уже сейчас изучение живых религий отходит от необходимого для исследователя агностицизма, которого требовала современная академическая среда; и то же должно касаться древних религий. Я не хочу, чтобы о Платоне мне рассказывал сторонник логического позитивизма — я лучше послушаю платоника. Разве возможно постичь то, во что человек не верит?

Я опираюсь на «вечную философию». Я считаю этот термин самым подходящим для обозначения философии, которая предполагает трансцендентное единство, лежащее в основе всех религий, и рассматривает их как попытки (обоснованные для своего времени и места) указать путь к истинной цели человеческого существования. Многие люди способны признать эту позицию в отношении крупнейших религиозных течений современности: индуизма, буддизма, христианства и ислама. Но когда дело касается далеких от нас религий, таких как культ Кибелы, Митры и Орфея, их нередко рассматривают лишь как экстравагантные и довольно декадентские попытки восстановить в Древнем Риме утраченную веру. Но эти культы были чем-то гораздо большим. У них были миллионы последователей — почти таких же людей, как мы, — которые жили и умирали в атмосфере этих вероисповеданий, для нас странных.

Чтобы их понять, необходимо задействовать воображение. Недостаточно понимать религиозный импульс

как таковой; нужно встать на место, скажем, человека, для которого Кибела — богиня, со всем, что этому сопутствует. Что касается посвящения в мистерии, придется вообразить, что вся ваша жизненная история, развернувшаяся здесь и сейчас, вращается вокруг этого великого события. Вспомните яркие моменты своей жизни, необратимые этапы и решения, которые сильнее всего повлияли на ваше развитие от рождения и до смерти: браки, выбор карьеры, встречи с примечательными людьми. Вообразите, что среди них маячит не менее важное посвящение в мистерии Великой матери посредством *тавроболия* — ритуального жертвоприношения быка. Представьте свою жизнь в период приготовлений: нервное напряжение, дорогостоящий и сложный этап организации этого события, кульминацией которого будет момент, когда вы стоите в яме, покрытые теплой кровью быка, издыхающего на платформе над вашей головой. Это одна из тех вещей, ради которых вы жили, и после которых уже не будете прежними.

Я выбрал эту крайность в качестве примера, хотя это и не самая яркая из всех крайностей, в чем читатель еще убедится. Лично мне эта идея отвратительна, но в общем я отношусь к ней так же, как к еде, которая мне не по вкусу. Но я не называю ее ядом лишь по той причине, что она мне не нравится. Есть люди, для которых она весьма питательна и совершенно приемлема; то же отношение у меня к религии. Но как можно оправдать и признать практики и верования, столь далекие от современных appetites? Лишь осознав, что к цели ведет множество путей, что существует множество разных людей, живущих в разных условиях, и каждый прокладывает свой путь в одну и ту же сторону, независимо от того, знает ли о пункте назначения.

Опыты и вопросы, актуальные для посвященных в мистерии, не интересуют абсолютно всех людей и не-

редко даже невообразимы для тех, кто их не разделяет. И, как правило, чем более яркое впечатление они оставляют, тем более сокровенными являются: будучи открытыми для всех, они лишь рискуют вызвать непонимание. Вот почему существуют «мистериальные» религии. Мистерии (они же таинства) — это вещи, которые не разглашаются, дабы избежать бесполезных споров и заблуждений и — в определенные времена, в некоторых местах — попросту сохранить голову на плечах. Большинство людей — ксенофобы и ненавидят то, чего не понимают. Если вы нашли бисер, вы не будете метать его перед свиньями, «чтобы они, обратившись, не растерзали вас».

В древности люди хранили молчание со столь выдающейся строгостью, что даже пытливому исследователю удастся найти лишь крохи информации о том, что происходило в ходе обрядов в мистериальных религиях. Единственное, что доверяли письму, касалось вопросов, которые позволительно выставлять на всеобщее обозрение; что же до всего остального, лучшим хранилищем была память, а лучшим хранителем — молчание. Но самый красноречивый язык мистерий состоит не из слов, а из символов. Символы ускользают от ограничивающей точности слов — той точности, которая, словно бабочек, прикалывает идеи иголками к одной плоскости, хотя они должны быть свободны, порхать между всеми уровнями сущего и разнообразиями значений. Из этого следует, что в данной книге большинство иллюстраций может быть подвержено множеству толкований, лишь одно из которых предложено в подписи к рисунку. Постоянная смена уровней и перспектив, которая на первый взгляд может показаться проявлением непостоянства — это добровольное упражнение по расширению ответа разума на символизм.

Подобренные для этой книги иллюстрации разделены по различным религиям, культам или сектам в том

виде, в каком они обычно исследуются учеными. Если рассматривать их с более широкой точки зрения, становятся ясны определенные базовые духовные положения или направления, которые описаны в повествовании о пяти путях ниже. Эти пять путей не относятся исключительно к рассматриваемому периоду, иначе не было бы смысла о них говорить. Один или несколько из них можно найти в любом человеческом устремлении, вне зависимости от эпохи или расы. Именно потому, что они ведут своих последователей по одному из архетипических путей, мистериальные религии и понятны, и оправданны.

ПУТЬ ВОИНА

*Илл. I. Император Коммод в образе Геракла.
Статуя, ок. 192 г. н. э. Капитолийский музей, Рим*

В настоящее время воинское дело не является частью реальности для большинства людей в англоговорящем мире, и особенно это касается молодежи, которой повезло избежать опыта непосредственного участия в боевых действиях. По крайней мере на момент написания этой книги война является тем, что происходит в странах третьего мира. Неизменная угроза ядерного

уничтожения, под которой мы живем, — это прямая противоположность бою лицом к лицу с противником с холодным оружием в руках, а древним людям он был хорошо известен. Древние люди, в свою очередь, были лично знакомы с войной. И греческая, и римская цивилизации всегда исходили из того, что война — это часть жизни, такая же, как засевание полей и сбор урожая. Война происходила между первым и вторым: пока зерно созревает, человек идет воевать и сражается со своими соседями. Некоторые мужчины не возвращались домой, и это было столь же ожидаемо, как и смерть по естественным причинам. Другие возвращались с трофеями и рабами, и это было хорошо. Война — это всегда хорошо для кого-то и плохо для кого-то другого. Поэтому взгляд солдата на жизнь всегда отличался дуализмом, или, если хотите, эгоизмом. Вся его цель заключается в уничтожении противника; и чтобы для человека это было похоже на жизнь, у него должна быть некая убежденность в правоте и ценности своего дела. Даже столь низменный мотив, как расовое превосходство, в таком случае сгодится: солдат может считать, что уничтожение или порабощение им расы или группы, которую он считает ниже себя по культурным или нравственным причинам, вполне оправданно; можно сказать, что он сравнивает себя с садовником, который выпалывает сорняки ради возможности взрастить более красивые и полезные растения в той же почве. Нет никакого сомнения, что германские племена и римские легионеры относились друг к другу именно так.

Вера в правое дело очень легко перемещается из прагматической плоскости в идеалистическую, и абстрактным понятиям, таким как «справедливость», «правда» и «нравственность», не требуется много времени, чтобы каждая сторона конфликта присвоила их себе. Учитывая тенденцию древнего мира к персонификации, добродетельные качества принимают облик богов и бо-

гинь, и обитатели небес встают на чью-то конкретную сторону. Афина поддерживала греков не меньше, чем Гера — троянцев, и самому великому Зевсу не был безразличен исход битвы между смертными. Диоскуров видели, когда они сражались рядом с римскими солдатами на озере Регилл примерно в 496 г. до н. э., а Монские ангелы явились войскам союзников в 1914 году.

Люди молятся и приносят жертвы, чтобы заручиться божественной поддержкой, потому что «если с нами Бог, кто против нас»? Крестоносцы отправлялись сражаться с врагами Христа с торжественной мессой, а мусульмане верили, что Аллах дарует им победу над идолопоклонниками и многобожниками. Если бы война не была таким жестоким делом, можно было бы посмеяться. Но это означает взглянуть на все глазами Бога. Давайте лучше рассмотрим, что война, священная или нет, значит для отдельного солдата и как она может в самом деле составлять настоящий духовный путь.

Солдат призван рискнуть своей физической безопасностью в интересах высшего дела: за свою страну, за близких, за веру или царя. Получается, что эти вещи он должен наделять большей ценностью, чем самого себя. Он также должен повиноваться приказам, подчинять свою волю велению командиров. Он принимает жизнь, далеко отстоящую от семейного и домашнего уюта, и хотя и надеется вернуться домой богаче прежнего, солдат знает, что может погибнуть и никогда не увидеть родной дом или вернуться калекой. Все это заключает в себе действенный урок самоуничтожения. Каким бы заносчивым он ни казался, солдат отказывается от своей личности, как только надевает военную форму и сталкивается на поле боя лицом к лицу с возможностью собственного уничтожения. Он очень близко подходит к мистерии смерти, и даже если не кажется из-за этого мудрее, в этом заключен урок для его души, который даст свои плоды в будущем.

Некоторым людям суждено прожить всю жизнь в таком окружении, и они являются воплощением мирового воина; это каста, чья работа состоит в том, чтобы управлять людьми и давать им защиту. Их призвание совершенно иное, нежели у представителей других традиционных каст — жрецов и учителей, торговцев и крестьян, и по этой причине у военных другая этика. Предстань убежденный аскет перед выбором, убить или быть убитым, он откажется от своей жизни; а воин должен нанести удар врагу первым! Большинство мировых религий позволяют такое поведение. Японские самураи, святые воины Мухаммед и Арджуна, рыцари Круглого стола — все это последователи пути воина.

Что касается христианства, мы видим очевидное несоответствие между миролюбивостью самого Иисуса и поведением его последователей. Какое-то время еще до рождения Иисуса братство ессеев следовало строжайшего рода этическим принципам, и если Иисус, что кажется вероятным, воспитывался среди них, неудивительно, что его позиция отражает их этику непротivления. Однако если бы эта этика оставалась единственной приемлемой для членов церкви, христианство, как община ессеев, осталось бы оригинальной иудаистской сектой. Оно ничего не могло бы предложить тем, чья природа и положение не дают им принять конкретно этот вид морали. Иисус должен был стать Господом не только аскетов, но и воинов, торговцев и крестьян. Таким образом, в процессе развития христианства «добрый Иисус, кроткий и мягкий», стал также вселяющим ужас мировым судьей и главнокомандующим церковного воинства, который защищает свою паству как добрый пастух, но избавляется от врагов со свойственной солдатам прямоотой, в адском всеожжении. Так каждый солдат-христианин мог соотносить себя с Иисусом, Господом Страшного суда, и ощущать, что

играет собственную роль в уничтожении врагов своего Господа — даже если они тоже зовут себя христианами.

Христианство было не единственным культом, подобным образом расширившим свой фундамент. Культ Исиды, который во времена Империи привлекал в основном горожан и представительниц среднего класса, принял в свои объятия Луция со словами: «Но чтобы защититься еще надежнее и крепче, запишись в святое это воинство (веление принять такую присягу и прозвучало для тебя недавно), посвети себя уже отныне нашему служению и наложи на себя ярмо добровольного подчинения» (Апулей, «Метаморфозы», xi, 15)². Но в общем верность настоящих воинов обычно принадлежала откровенно воинственным богам: Марсу, Гераклу, Непобедимому Солнцу (*Sol Invictus*), Юпитеру Долихену и особенно Митре. Митраизм был основан на подлинно воинском мировоззрении. Он представлял верховного Господа Света, который могущественнее любого космоса, известного человечеству, и находится в вечном противостоянии верховному богу тьмы Ахриману. Таким образом, для последователей культа Митры вся Вселенная — это постоянное состояние войны между абсолютным добром и абсолютным злом. Митра — один из низших богов, которых Ахура-Мазда отправил возглавлять сторону добра в нашем мире — отсюда зодиакальный круг, который часто окружает Митру и его дела. Вся жизнь — это битва, которая продолжается и после смерти, поскольку ангелы и дьяволы соперничают за обладание нашими душами. Поэтому естественно ожидать войну между людьми как прообраз космической и даже метакосмической борьбы. Во внешнем мире солдат Митры должен привести свои энергии и устремления в созвучие со стороной ангелов. Внутри он должен превратить свою жизнь в вечное повторение со-

² Здесь и далее перевод С. Маркиша. — *Прим. пер.*

творяющего жертвоприношения быка (см. Илл. II), умерщвляя чисто физическое, которое и олицетворяет бык, чтобы обеспечить обильное течение жизнедающего духа.

Илл. II. Митра, убивающий быка. Статуя из Рима, начало II в. н. э. Британский музей, Лондон

Образ солдата, который поднимается по службе, начиная с позиции рядового, можно легко соотнести с рядом степеней посвящения, которые предлагал своим последователям митраизм и другие мистериальные религии. Воин в процессе ряда посвящений надеялся развить возрастающее отчуждение от личных забот и страхов и способность принимать быстрые, но надежные решения в вопросах жизни и смерти. В качестве примера современного «пути воина» можно привести масонство, присутствие которого неизменно весомо в вооруженных силах, с его типичным фокусом на воинских добродетелях братства и верности, его тайными и временами устрашающими обрядами посвящения, его системой степеней

и грандиозной политической властью, которую осуществляют за кулисами истории. А в качестве пути на индивидуальном, а не коллективном уровне существует комплекс боевых искусств, который долго развивался на Дальнем Востоке. Там принимают необходимость существования воина как основу для развития духовных качеств, особенно молниеносных движений, которые выполняют, опираясь на интуицию, а не на мыслительный процесс. Исходя из известного нам об этом современном явлении, можно представить себе подход древних военных культов.

Жизнь на земле, согласно вечной философии, напоминает школу, в которой человеческие души подвергаются различным испытаниям, более или менее болезненным; и только через эти опыты или посвящения может осуществляться прогресс. Не только сознающий это искатель, но и каждый человек, живой или мертвый, предпринимает задачу Геракла: подняться из положения животного к статусу бога. Временами испытания и перемены в сознании, которых они требуют, проходят незаметно. Иногда они происходят на уровне разума. Но временами, особенно когда человек несообразителен или нечувствителен, они принимают форму физических несчастных случаев или болезней. Тогда начинается битва между силами исцеления и силами, стремящимися уничтожить тело. То же касается общества: есть социальные и культурные изменения, которые становятся неизбежным «посвящением» для человечества. Если их принимают, они могут пройти мирно и прогресс окажется мягким. Если им сопротивляются, они все равно придут, но проявятся на физическом уровне, как война или кровавые революции.

В период, который мы рассматриваем — первые четыре или пять веков нашей эры, — люди столкнулись с переменами обоих типов. Возможно, самым важным результатом стало распространение привилегии римского

гражданства по всей территории Империи, что воодушевило людей воспринимать себя как отдельных членов большой семьи, а не как бессознательные единицы племени или провинциального народа. Этот шаг был частично достигнут благодаря мирному согласию, частично посредством насильственного покорения. Сегодня мы столкнулись с похожей перспективой, но в глобальных масштабах, и с теми же вариантами выбора.

Когда перемены необходимо осуществлять насильно, приносящий их может быть своего рода божественным воплощением мелкого порядка, наделенным, подобно хирургу, некрасивой задачей оперировать тело политики. Он может быть избран благодаря своим навыкам в манипуляциях, а не какому-либо сознательному пониманию вопроса. Например, император Юлиан очень хорошо понимал глубокие духовные течения своего времени и безуспешно пытался обратить их вспять: он не был практичным человеком. С другой стороны, Александр Македонский (который не просто так был одним из героев Юлиана) был весьма практичен, но признавался, что он сам себе не хозяин.

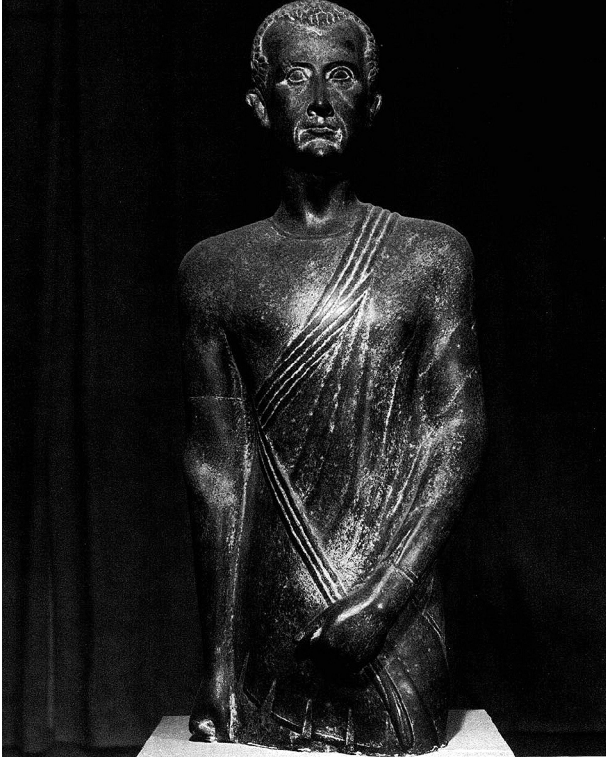
Когда индийские брахманы спросили его, почему он настойчиво продолжает вести войну, он ответил следующим образом: «Божественным порядком предначертано, что нам должно быть слугами богов и исполнять их указы. Без ветра на море не поднимаются волны и не качаются ветки деревьев; так и человек не действует, если его не попускает божественное Провидение. Я бы охотно отступился от войны, но господин моего духа не позволяет мне этого. Если бы все были единомышленниками, мироздание оставалось бы безмятежным...» (Псевдо-Калисфен, 3, 6).

Возможно, он говорил от лица всего человечества.

*Илл. III. Император в образе всемирного триумфатора.
Саркофаг Людовизи, 251 г. н. э. Национальный музей Рима*

ПУТЬ МОНАХА

Илл. IV. Гор, жрец Тота. Базальтовая статуя из Александрии, начало I в. н. э. Национальный музей, Каир

Путь монаха, как и путь воина, основан на дуалистическом мировоззрении. Сущностная разница заключается в том, что враг воина внешний, а враг монаха живет внутри него самого. Разумеется, это не спасает аскета (вроде аятоллы Хомейни) от того, чтобы видеть в своих собратях воплощение Сатаны, как не спасает и воина (вроде Т. Э. Лоуренса или идеального митраиста) от мас-

терства в самоотрицании. Все эти «пути» — крайности, и устремления большинства людей проходят сразу по нескольким из них.

Фундаментальная часть позиции монаха — это дуальность материи и духа, олицетворенная человеческим существом, как пропасть между душой и телом. Аскет полагает, что дух, или душа, оказался заперт в материальном мире, или в человеческом теле, и цель религии — освободить его. Для орфиков и пифагорейцев существование на земле — это искупление за наши грехи. Для души чудовищно быть запертой в физическом теле: неудивительно, что новорожденные младенцы плачут. Когда ученики великого индийского мудреца Рамана Махарши хотели отпраздновать его день рождения, мастер сказал: «в день рождения следует оплакивать свой приход в этот мир» (*Collected Works*, p. 137).

Для всех философов пифагорейской, платонической и герметической традиции ситуация не отличается. Вселенная — это иерархия различных состояний существования, худшее из которых — осязаемый мир и вещи, созданные из четырех стихий: воды, земли воздуха и огня. Все в этом месте, в этой подлунной сфере, несовершенно и подвержено боли, страданию, разложению и смерти. Над ним, в эфирных сферах планет, мы можем найти все более совершенные, чистые состояния, а за неподвижными звездами лежит царство богов, где правит совершенство — по крайней мере, с нашей точки зрения. Высшая или разумная душа человека принадлежит именно этому царству и знает, что именно там ее дом; но здесь, на земле она удушена, погружена в неподатливую глину физического тела. Задача аскета — освободить ее, и он достигает этой цели, тем или иным способом истощая темницу из плоти и крови.

Обычные люди ошибочно любят свои тела, не ведая о плененной внутри них божественной искре. Им

нравится баловать свои тела едой и напитками, облачать их в наряды и прятать лица под косметикой, и они гордятся тем, чего должны стыдиться больше всего. Так думает монах о мирских людях, наблюдая за ними. Сам он вознамерился освободиться от всей этой тщеты. Его путь — аскетизм, и нет большой разницы, относит ли он себя к египетским жрецам, христианским монахам, иудеям-ессеям или пифагорейцам.

Аскеза состоит в отказе от одного из удовольствий ради обретения чего-то более ценного. Человек на диете отказывается от определенной пищи ради более ценного ощущения собственной стройности. Вегетарианец отказывается от мяса ради более высокого идеала гуманизма. А монах постится, потому что получает радость свободы от уз требовательного желудка — и, без сомнения, от «кайфа», который приносит долгое воздержание. Пост укрепляет волю и очищает тело. Как и любой вид аскетизма, он может принимать форму крайности. Средневековые катары Монтайю, чувствуя приближение смерти, иногда начинали практику *endura*, то есть голодание до смерти, отказываясь от всякого питания. Следование этому обету до конца было весьма уважаемым поступком и приносило огромную пользу душе. В более утонченной среде древних ессеев, среди стариков, более не испытывавших желания жить, похожая практика была обычным делом. Попрощавшись с общиной, они уходили в безлюдное место, где была вода, и несли с собой связку винограда. Каждый день они съедали несколько виноградин, а когда те заканчивались, пили только воду, проводя свое время в духовных упражнениях, пока не наступала мирная смерть. Оцените контраст с проблемами современной медицины, которая стремится сохранить жизнь любой ценой.

Ессеи и пифагорейцы должны были быть вегетарианцами, хотя в случае последних сомнительно, чтобы все

школы следовали примеру своего мастера. Не считая очевидного мотива сострадания к соседям по планете, вегетарианство также призвано очистить тело от загрязнений, которыми насыщена плоть других существ. Однако можно было очиститься, следуя диете совершенно иного рода. Император-неоплатоник Юлиан не был вегетарианцем, но воздерживался от корнеплодов, потому что они приносят в тело тенденцию к направлению вниз (Рудольф Штейнер с этим бы поспорил); от яблок, потому что они слишком священны; от граната, потому что он принадлежит к загробному миру; от фиников, потому что они слишком «солнечные»; от рыбы, потому что ее обычно не жертвуют богам, и в любом случае, она происходит из слишком больших глубин; и от свинины, потому что свиньи грубые, весьма земные и дикие создания, которых подносили в жертву только подземным богам. («Гимн к Матери Богов», 175–177).

Идея загрязнения также распространяется и на общество других людей. Любой чувствительный человек, который не живет в большом современном городе, знает, что такое психическое загрязнение, и чувствует его, когда находится в людском муравейнике. Отцы-пустынники не только оставили позади городские соблазны, но и отказались от всякого контакта с людьми, отправившись столкнуться лицом к лицу с собой и своим Богом. Их физическую храбрость в дикой природе, полной опасностей, превосходит только психическая и эмоциональная выдержка, при помощи которой они преодолевали проявления того, что они считали демоническими силами, — и не важно, что мы можем считать эти силы проекциями темных глубин психики. Св. Антоний вернулся из своего испытания «посвященным в сакральные мистерии», со знанием о незримом мире и властью над ним (Афанасий, «Житие св. Антония», 14). Таким людям не нужны были

формальные посвящения мистериальных культов: они прошли через те же врата самостоятельно.

Многие культы прибегали к мягким формам аскетизма для пользы людей, которых устраивает вести по большей части мирской образ жизни. Луцию нужно было воздерживаться от мяса, вина и сексуальных контактов в течение десяти дней перед посвящением в мистерии Осириса («Метаморфозы», xi, 28), а Проперций жаловался, что его Синтия соблюдает подобный период целомудрия в подготовке к ритуалам Исида («Элегии», 33). Традиционное католичество продолжило эту практику в виде регулярных постов в течение церковного года и запретов на некоторые виды сексуальных контактов и время их осуществления. Впрочем, наложение временных ограничений — это универсальная религиозная практика, дающая мирянам преимущества временного монашества.

Именно целомудрие в первую очередь отделяет жизнь монаха от жизни обычных людей. Если он считает рождение трагедией, тогда логично избегать процесса, приносящего человеческие души в новые тела. Некоторые из поздних гностиков совершенно отказались от продолжения рода, как и американские шейкеры в XIX веке, и потому вскоре вымерли. Но у целомудрия есть и другая, личная сторона. Возможность воспроизводить собственный вид — это чудесная и магическая сила, которую можно использовать в других целях. Половая энергия, как известно индийским йогам — это одно из олицетворений той великой творческой силы, которая может подтолкнуть духовное рождение в высших мирах, если не использовать ее для удовольствия и размножения в этом мире. Именно это знание, обобщенное и неверно применяемое, наделило многих религиозных людей (но не аскетов) ханжеским отношением к сексу. Св. Павел говорит коринфянам (Кор. I, 7, 9), что «лучше вступить в брак, нежели разжигаться», но еще лучше не иметь необходи-

мости жениться. Сублимированные побуждения фанатичных монахов находили выход в тирании собственных товарищей не реже, чем возносили самих монахов над мирскими желаниями.

Мнение, что секс является препятствием на пути к духовным достижениям, будучи понятым весьма примитивно, в древние времена приводило к гротескным крайностям вроде добровольной кастрации. Просветленный христианский отец Ориген предпринял такую попытку в молодости, надеясь сбежать от своих желаний, и прожил достаточно, чтобы увидеть, что этот способ неправильный: в частности, это запрещено христианам. Но это не запрещено последователям Кибелы и Аттиса, чьи жрецы-евнухи, «галлы», печально прославились, практикуя эту пародию на воздержание. Возможно, сегодняшние транссексуалы — это новое воплощение подобных фанатиков, которые после кастрации носили женские наряды и экстравагантные украшения. Император Домициан в I в. н. э. объявил кастрацию преступлением, караемым смертной казнью, — но остановить эту практику не удалось ни ему, ни Адриану, который пытался запретить обрезание, символическую замену кастрации, к которой прибегали древние египтяне, арабы, а также евреи. Император Гелиогабал, любитель разных культов, говорят, сам себя обрезал и отказался есть свинину; далее он планировал почтить Великую мать, приказав себя кастрировать, но либо не дожил до этого, либо передумал, когда решил изнасиловать весталку. Некоторые из его последователей дошли до крайней степени отречения, бросив своих самых красивых детей на растерзание диким зверям в его храме.

В мире аскезы бывает сложно отделить трезвое очищение от добровольного самоистязания. Ювенал высмеивает последовательниц Исиды, которые стояли в ледяном Тибре или ползли на кровотокающих коленях к храму богини («Сатиры», 6, 522–526). Геродот на празднике Иси-

ды в Бусирисе наблюдал толпы людей, предающихся оргиастическому самобичеванию. Галл на Илл. V держит в левой руке довольно устрашающий хлыст. Тема умерщвления плоти красной нитью проходит через христианское монашество: от Иеронима Стридонского в пустыне, бьющего себя камнем в грудь, через власяницу Савонаролы до маленьких плеток, которые выдают современным монахи-ням. И разве истязания инквизиции не были насильственным аскетизмом, монструозным извращением той мысли, что тело должно страдать, чтобы душа освободилась?

Илл. V. «Галл», жрец-евнух Великой матери.
Рельеф с Аппиевой дороги, середина II в. н. э. Капитолийский музей, Рим